

Таким образом троянцы выходят из мифологии и занимают свое место в истории древнего мира.

Вывод о троянском происхождении этрусков разрешает следующие проблемы: 1) роль троянцев в культурно-историческом развитии средиземноморских племен; 2) исторический факт, кроющийся в предании о переселении троянцев в Рим; 3) причина разных форм этрусского племенного названия: лат. *Etrus-cī*, *Etrūr-ia*; умбр. *turskum*, *tuscom*, лат. *Tuscī*; гр. Τρῳαῖοι; 4) странный кажущийся факт, что имя Τρῳαῖοι не встречается ни разу в «Илиаде» и «Одиссее», несмотря на то, что там упоминаются имена стольких менее значительных племен Эгейской области, и вопреки тому, что античные авторы свидетельствуют, что тирсены-этруски играли большую роль в Эгейской области; 5) вопрос об имени *twrws*³ = *trus(e)*, которое встречается в египетских документах XIII в. до н. э. между именами ахейцев, данайцев и дарданцев; 6) вопрос о форме имени Троя в хеттских документах: *ta-ru-i-ša* и *tar-ū-is-ši-ja* = *Tru(i)s(i)ja*; 7) особенности социального строя и культуры этрусского общества, которое выглядит как чуждое тело в среде других племен Центральной и Северной Италии.

Проф. Владимир Георгиев
Действительный член Болгарской Академии наук

ЭПИТАФИЯ АХИРАМА БИБЛСКОГО В НОВОМ ОСВЕЩЕНИИ

25 с лишним лет прошло с тех пор, как была впервые опубликована надпись на саркофаге библского царя Ахирама. За это время появилось много работ, посвященных исследованию этой надписи, однако необходимо признать, что и сейчас еще, как и в 1925 г.¹, при ясности общего смысла точное значение отдельных слов второй строки остается темным. Можно даже с известным правом сказать, что новейшие исследования не только не способствуют более полному выяснению смысла надписи, но все дальше уведут нас от истинного его понимания.² Указанные обстоятельства и дают основания вновь подвергнуть детальному рассмотрению этот выдающийся памятник финикийской письменности.

Надпись выполнена по верхнему краю поперечной стороны саркофага, обращенной к югу (1), и по нижнему краю продольной стороны крышки саркофага, обращенной ко входу (2).

ТЕКСТ и ПЕРЕВОД НАДПИСИ

- (1) ʔrn | z pʕl P|tbʕl | bn ʔhrm | mlk gbl |
 l ʔhrm | ʔbh | k šth | bʕlm |
 (2) wʔl | mlk | bmlkm | wskn | bs[k]nm | wtmʔ | mḥnt |
 ʕy | gbl | wygl | ʔrn | zn | tḥtsp | ḥṭr | mšpṭh |
 tḥtpk | ksʔ | mlkh | wnḥt | tbrḥ | ʕl | gbl |
 whʔ | ymh | sprh | lpn (?) | tbl (?)

(1) Это саркофаг, что сделал [Э]тбаал, сын Ахирама, царь Библа, для Ахирама, отца своего, который произвел его на свет.

¹ Ср. REF, QS, 1925, стр. 211.

² См., например, работы Мэнгца и Олбрайта. Так, например, вторую строку надписи Мэнгц переводит: «Если царь из царей или наместник из наместников и все побережье (т. е. вся Финикия) в поход против Библа выступят и откроет этот саркофаг, то (богиня) Хатор устрасит замыслившего это. Своим приговором она опрокинет трон его царства и (бога) Тота против Библа возбудят, а он (т. е. Тот) сотрет сделавшую им запись согласно указанию взвешивающего (т. е. Анубиса)». Этот перевод совершенно фантастичен.

(2) А если какой-нибудь царь из царей, или какой-нибудь правитель из правителей, или военачальник вступит в Библ и откроет этот саркофаг,— сокрушен будет жезл судейской власти его, опрокинут будет трон царства его и мир покинет Библ. А он — изглажена будет надпись его перед лицом (?) всего мира(?).

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАДПИСИ

k š t h b ʿ l m. Эти последние слова первой строки толкуются по-разному. Так, например, Лидзбарски¹ переводит: «Сюда он поместил его навеки»; Бауэр: «как место покоя его вовеки», Ронзевалль читает: *kštr bʿlm* и переводит: «как укрытие в потустороннем мире»; Олбрайт читает: *kš[b]th bʿlm*, и переводит: «как жилище его навеки». Ни одно из предложенных толкований не может быть признано удовлетворительным уже потому, что слово *bʿlm* не может значить «навеки», и тем более оно не может значить «в потустороннем мире». «Навеки» передается в финикийском языке обычно словами *lʿm* или *ʿdʿm*. Точно так же в др.-еврейском, где *lěʾlām* «навеки» встречается около 170 раз, *ʿad ʿlām* «навеки» — около 70 раз, *ʿlām* в значении «навеки» около 120 раз, но ни разу не встречается *bēʿlām* или *bāʿlām*. Я предлагаю переводить слова *k šth bʿlm* «который произвел его на свет»; ср. выражение: *kī šāt lī . . . zeraʿ* (Gen., 4,25). Конструкция *šāt b. . .* вполне закономерна; см., например, Ps., 88,7. Ср. финикийское собственное имя *bʿlšt* (CIS, 2182, 3777). Это подчеркивание роли отца совершенно понятно; ср. Pr. 23,22: «будь послушен отцу твоему, который родил тебя»; Deut., 32,6; ср. также аккадское выражение: *abū ba-ni-u-a* «отец, который произвел меня».

¹ Ниже приводится алфавитный список основных работ, посвященных надписи Ахирама; в статье ссылки на эти работы даются сокращенно (только фамилия автора и иногда год издания).

N. A i m é - G i r o n, Note sur les inscriptions de Ahiiram, BIFAO, XXVI, (1925), стр. 1—13; о н ж е, Adversaria Semitica (IV). Essai sur l'âge et la succession des rois de Byblos d'après leurs inscriptions, Ann. du Serv., XLII (1943), стр. 283—338; W. F. A l b r i g h t, The Phoenician Inscriptions of the Tenth Century B. C. from Byblus, JAOS, 67 (1947), № 3, стр. 153—160; H. B a u e r, Eine phönikische Inschrift aus dem 13. Jahrh., OLZ, 28 (1925), стр. 129—140; S. A. C o o k, the Inscription of Ahiiram, King of Byblus, PEF, Quarterly Statement, 1925, стр. 210—215; M. D u n a n d, Byblia grammata, 1945, *passim*; R. D u s s a u d, Les inscriptions phéniciennes du tombeau d'Ahiiram, roi de Byblos, «Syria», V (1924), стр. 135—157 [editio princeps]; о н ж е, Dédicace d'une statue d'Osorkon I par Eliba'al, roi de Byblos, «Syria», VI(1925), стр. 104—107; J. F r i e d r i c h, Zur Einleitungsformel der ältesten phönizischen Inschriften aus Byblos, «Mélanges Syriens offerts à René Dussaud», 1939, стр. 39—47; H. G r e s s m a n n, Die Königsgräber in Byblos, «Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft», I (N. E.), 1924, стр. 349—351 (приведен перевод эпитафии Ахирама, который предложил G. H o f f m a n n); M. L i d z b a r s k i, Epigraphisches aus Syrien, «Nachricht. v.d. Gesell. d. Wiss. zu Gött.», Phil.-hist. Kl., 1924, вып. 1, стр. 43—48; о н ж е, Zu den phönizischen Inschriften von Byblos, OLZ, 30, 1927, стр. 453—458; A. M e n t z, Beiträge zur Deutung der phönizischen Inschriften, «Abh. für die Kunde des Morgenlandes», XXXIX (1944), вып. 2, стр. 5—13; P. M o n t e t, Les fouilles de Byblos en 1923, «Syria», IV (1923), стр. 334—344; о н ж е, Byblos et l'Égypte. Texte, 1928, стр. 215—238, Atlas, 1929; S. R o n z e v a l l e, L'alphabet du sarcophage d'Ahiiram, «Mélanges de l'Université Saint-Joseph», XII (Beyrouth, 1927), стр. 1—40; W. S p i e g e l b e r g, Zur Datierung der Ahiiram-Inschrift von Byblos, OLZ, 29 (1926), стр. 735—737; Ch. C. T o r r e y, The Ahiiram Inscription of Byblos, JAOS, 45 (1925), стр. 269—279; H. V i n c e n t, Les fouilles de Byblos, «Revue Biblique», 34 (1925), стр. 183—193.

Рис. 1. Саркофаг Ахирама. Сторона, обращенная на юг

Рис. 2. Саркофаг Ахирама. Сторона, обращенная ко входу

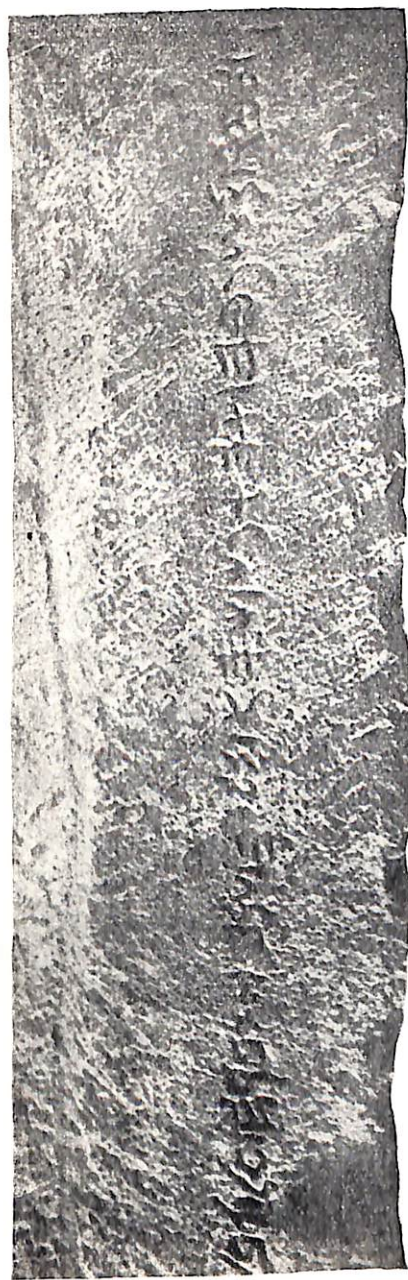

Рис. 4. Надпись на крышке саркофага (конец)

«*l*». Лидзбарски видел в этом слове формулу клятвы, известную из арабского: «клянусь богом». Это большая натяжка. Гофмани считал *l* указательным местоимением мн. ч. и переводил: «а эти [были царями среди царей и т. д.]» (см. у Грессмана). Бауэр рассматривал *l* как предлог, употребленный здесь в смысле «что касается». Тори видел в *l* предлог для выражения дательного падежа. Толкования Гофманна, Бауэра и Тори неприемлемы ни с грамматической, ни с логической точки зрения. Олбрайт отождествлял *l* с др.-евр. *lā* «если», но в таком случае должно было быть написано не «*l*», а «*ly*». Дюссо, Венсан и другие привлекали др.-евр. *lillū* (= *līm lū*; ср. арабск. *līn law*) «если». Это предположение было бы, пожалуй, наиболее вероятным, если бы не то обстоятельство, что слово *lillū* встречается крайне редко (всего лишь два раза) и то в поздних текстах (Eccl., 6, 6; Esth., 7, 4).

Серьезного внимания заслуживает высказанное впервые Ронзеваллем мнение, что *l* в нашей надписи представляет фонетический вариант арабской частицы *līn* «если». (Между прочим, такое же значение имеет *līn* и в арамейском). Точно так же Ронзевалль рассматривал и встречающуюся в надписи частицу *l* (в выражении «*wnhṭ tbrh l gbl*») как фонетический вариант арабской частицы *ʿan*. Он считал это явление характерной особенностью библского диалекта древнейшего периода. В пользу мнения Ронзевалля могут быть приведены очень веские данные: 1) в финикийском языке *l* и *n* чередуются. Так, например, в надписи из Ма^ссуба вместо обычного *špn* читаем *špl*; в одной надписи из Абидоса, принадлежавшей выходцу из Тира, вместо обычного *mlqrt* — *mnqrt*; в другой надписи из того же Абидоса вместо обычных *ʿnk* «я» и *bn* «сын» находим *lṅk*, *bl* и т. п.; 2) точно так же *l* и *n* чередуются и в др.-евр., например: *liškā* и *niškā*; *lāḥaš* и *nāḥaš*; *šūlammīt* и *šūnammīt* и т. д.; 3) еще чаще чередование *l* и *n* в арабском: *lā bal* и *lā ban*, *daḥila* и *daḥina*, *naqama* и *laqama*, *naqija* и *laqija* и т. д.; 4) *l* в др.-евр. соответствует иногда в арабском *n*: в др.-евр. *šelem*, в арабском *ṣanam*; в др.-евр. *kallā*, в арабском *kanna* и т. д.¹

«*l mlk bmlkm w skn bsknm*». Значение слова *skn* до сих пор не выяснено. Это слово засвидетельствовано в одной финикийской надписи из храма Баала Ливанского, найденной на Кипре и восходящей к VIII в. до н. э. (*skn qrt-ḥdšt ʿbd ḥrm mlk šdnm ʿz ytn lbṯ lbnn ʿdny* . . .), и в одной арамейской надписи из Хамата, также восходящей к VIII в. до н. э. (*ʿdnrm skn [b]yt mlkh*); еще один раз встречается оно в книге Исаии, 22,15: «ступай, поди к этому *sōkēnʿy*, к Севне, начальнику дворца». Зато мы имеем возможность выяснить значение того термина, который, если судить по финикийским надписям из Киликии, употреблялся как синоним термина *skn*. Во вновь открытой надписи Азитавадда (IX в. до н. э.) выражению нашей надписи «*l mlk bmlkm w skn bsknm*» соответствует выражение «*l mlk bmlkm wrzn brznm*». Таким образом, *skn* = *rzn*. Слово *rzn* встречается в др.-евр. письменности шесть раз, причем в трех случаях контекст позволяет раскрыть социальную сущность этого термина:

Он обращает *rōzēnīm* в ничто,
судей земных как бы ничтожностью делает (Jes., 40,23).
[Мудрость говорит:]
Мною царствуют цари,
и *rōzēnīm* издают законы правды (Prov., 8,15).
Не царям пить вино и не *rōzēnīm* — сикеру².
Иначе, напившись, забудет закон и извратит суд
всех угнетаемых (Prov., 31, 4, 5).

¹ См. C. Brockelmann, Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen, I, B., 1908, 222, 228; M. Lidzbarski, Ephemeris für semitische Epigraphik, III, 99; C. Landberg, Études sur les dialectes de l'Arabie Méridionale, Daṭīnah, 1759—1763; W. Gesenius — F. Buhl, Hebräisches und Aramäisches Handwörterbuch, 1921, стр. 370.

² Сикер — опьяняющий напиток.

На основании этих мест можно смело предположить, что термин *gzn* (и, следовательно, *skn*) обозначал высшего сановника, который наряду с царем принимал участие в управлении царством и в руках которого была сосредоточена, по преимуществу, судебная власть; ср. II Chr., 26, 21, где о Иоафаме, бывшем, как и Севна, начальником дворца, говорится, что он «судил народ земли»; *gzn* (resp. *skn*), таким образом, живо напоминает древне-египетского *ḥtj*, которого историки древнего Востока неудачно именуют «везирем».

wtm' mḥnt. Слово *tm'* встречается здесь впервые. Дюссо, Бауэр, Венсан и др. соединяют слова *wtm' mḥnt* со следующими словами надписи — *ʿy gbl* и переводят по смыслу: «расположит стан против Вибла». Это толкование совершенно произвольное. Фантастический характер носят и конъектура, предложенная Ментцом. Он разделяет слово *tm'* на два слова: *tm* и *'*, которые переводит «все побережье». Всю фразу *wtm' mḥnt ʿy gbl* Ментц переводит: «и все побережье (т. е. вся Финикия) в поход против Вибла выступит». Тори и Эме-Жирон сопоставляют слово *tm'* с ассииро-вавилонским глаголом *tamū*, представляющим второстепенное образование от глагола *amū* (ср. араб. *āmā*, *āmī*) и означающим «говорить», «заклинать», и предлагают переводить слова *tm' mḥnt* «командующий армией», «военачальник». Это толкование, принятое теперь и некоторыми другими учеными, следует признать наиболее удовлетворительным. В его пользу могут быть приведены материалы и из других семитических языков. Так, в др.-евр. слово *nāgīd* «вождь, военачальник»¹ означает собственно «оратор»; то же означает и слово *nāsī'* «князь», «вождь», «начальник»; в арабском языке сюда прежде всего относятся такие слова, как *amīr*, *za'im* «оратор», «начальник», «вождь», *qāḍī* «глава», «старейшина», «вождь» (от *qāla* — говорить). Некоторые считают, что и первоначальное значение слов *sejjid* «господин» и *šejh* «шейх», «старейшина», «глава племени» и т. д. было «оратор», они сопоставляют эти слова с евр. *sōd* и *sīh*². Слово *tm'* является причастием, а не формой *qattāl*, как полагал Тори. Сохранение *'* вполне закономерно; ср. надпись Йехавицки из Вибла, стк. 2: *wqr' ʿnk*.

ʿy gbl. *ʿy* является бесспорно глагольной формой. Нет надобности вставлять между *ʿy* и *gbl* предлог *ʿ*, как это делает Олбрайт; ср. такую же конструкцию в Jes., 7, 1.

wygl ʾr n zn. Употребленная здесь в качестве указательного местоимения частица *zn* также свидетельствует о том, что частица *z* в начале надписи является не указательным, а относительным местоимением. Для *wygl* ср. такую же форму в Job., 36, 15.

tḥtsp ḥt r mšp t h tḥtpk ks' mlkh. Ср. в угаритском

lyhpk ks'a mlkk

lylbr ḥt mḥtpk (I AB, 6, 28—29)

да опрокинет он (т. е. Эл) трон царства твоего,
да сломит он жезл судейской власти твоей.

tḥtsp, tḥtpk — возвратная форма *ʿiftaʿal*, соответствующая VIII породе в арабском языке. Следы этой формы встречаются в надписи Мешы, царя Моаба (ок. середины IX в. до н. э.). Так, *wlḥtm* «и я сражался» (стк. 11, 15); *bhlḥtmh* «когда он сражался»: инфинитив с мест. суфф. 2 л. (стк. 19); *hlḥtm* «сражайся»; императив:

¹ См., например, I Chr., 13, 1; II Chr., 32, 21.

² См. G. Hoffmann, Ueber einige phönikische Inschriften, 1889, стр. 55; J. Barth, Die Nominalbildung in den semitischen Sprachen, 1894, стр. 184; J. G. Wetzstein, Sprachliches aus den Zeltlagern der syrischen Wüste, ZDMG, XXII (1868) стр. 91; ср. I. Goldziher, Über die Vorgeschichte der Hīgāʾ-Poesie, «Abhandlungen zur arabischen Philologie», I (1896), стр. 1—105.

пор говорилось о тех бедствиях, которые постигнут общество в целом, в случае если кто-либо решится потревожить покойника, то последнее проклятие имеет в виду лицо, непосредственно в этом повинное, и должно быть поэтому особенно устрашающим. То же мы видим в надписи Киламува, где строки 13—16 гласят: «А если кто-нибудь из моих потомков, который воссядет на трон вместо меня, повредит эту надпись — Мшкб перестанут уважать Б'рр, а Б'рр перестанут уважать Мшкб. А тот, кто уничтожит эту надпись — погубит его голову Баал — Смд ... погубят его голову Баал — Хми ... и Рекуб-эл — „хозяин“ дома»; здесь, таким образом, тоже раньше говорится о расстройстве общественной жизни, а затем о личных бедствиях. Между прочим, для ранних ступеней общественного развития вообще характерно представление о том, что нарушение кем-нибудь из членов общества освященных вековой традицией норм поведения неминуемо приносит несчастье всему обществу.

l p n (?) t b l (?) — не только смысл, но и чтение двух последних слов надписи до сих пор не выяснено. Монтэ прочел *l p p š b l*, и это чтение было принято большинством исследователей, но Дюссо по эстампажу прочел *l p p š r l*. Харрис читал (повидимому, под влиянием Олбрайта) *l p p m t b l*¹. Олбрайт в 1947 г. отказался от чтения *m t b l* и принял чтение *š b l*. Гастер («Iraq», VI, стр. 140) предложил читать *l p p t b l*. Эме-Жирон читает *l p n š r l*. Что касается перевода этих слов, то Бауэр считал, что надпись первоначально кончалась словами *wh' y m h* «а он пусть будет уничтожен» и что позже была сделана приписка *s p r z l p p š r l* «эта надпись принадлежит (т. е. была изготовлена) ... (p p š r l — имя и титул писца)». Лидзбарски оставил последние слова без перевода. Кук назвал их безнадежными. Дюссо в 1925 г. читал *y m h s p r h l p p š r l* и переводил «истреблены будут его потомки мечом». Торп переводил «[и мир покинет Библ, если он изгладит эту надпись,] закроет ее или замажет». Олбрайт — «пусть изгладит его надпись скитающийся по дорогам». Эме-Жирон — «его имя будет изглажено перед лицом (бога) Шор-эл».

Я считаю, что первое слово следует читать не *l p p*, а *l p n*; не совсем обычная форма буквы *n*, может быть, объясняется тем, что резчик, нанеся ее слишком близко от предыдущей буквы *p*, оставил ее без верхней, имеющей наклон вправо, черты, чтобы обе буквы не слились вместе. Второе слово предлагаю читать *t b l* «вселенная, земля»; *t b l* встречается в др.-евр. языке исключительно в поэтических текстах; в других семитических языках это слово определенно не засвидетельствовано; очень возможно, что слово *t b l* перешло в др.-евр. из финикийского, однако оно не привилось в др.-евр. языке, на что указывает, кроме ограниченного употребления, еще и то, что оно никогда не принимает определенного члена². Таким образом, впервые получаем вполне удовлетворительный смысл: «его надпись (и тем самым его имя) изглажена будет перед лицом всего мира»; ср. выражение *p n ē tē bē l* (Jes., 14, 21; 27, 6; Job., 37, 12); ср. Ez., 28, 18: «и превращу тебя в пепел на земле перед глазами всех, видящих тебя»; ср. Ez., 28, 17: «за то погергну тебя на землю, перед лицом царей, чтобы смотреть на тебя». Между прочим, речь идет здесь о Тирском царе. См. *tē bē l* в значении «жители вселенной» Jes., 13, 11 и Ps., 9, 9.

ЗНАЧЕНИЕ НАДПИСИ

Достигнутое нами в результате детального филологического анализа понимание надписи позволяет в более полной мере выявить ее значение и сделать некоторые весьма существенные выводы как частного, так и общего характера.

¹ Z. S. Harris, A Grammar of the Phoenician Language, New Haven, 1936, стр. 115.

² Как будет показано ниже, отсутствие определенного члена — одна из характерных особенностей финикийского языка в этот период.

ЯЗЫК НАДПИСИ

Язык эпитафии Ахпрама имеет ряд отличительных особенностей как в области морфологии, так и в области лексики.

В области морфологии

Глагол

1. Глаголы с конечным «у» сохраняют в 3 л. м. р. перфекта полное написание, например, ʕy. Это с несомненностью свидетельствует о том, что «у» в этих случаях произносился как согласный. Такое же явление наблюдается и в других древних надписях из Библа. Так, в надписи Йехимилка: bny, hwy; в надписи Шефатбаала: bny. В известных же нам финикийских надписях, начиная с IX в., конечный «у» не обозначается в письме; так, в надписи Киламува: hz; в надписи Азитавадда: bn, ʕn. Эта особенность, сближающая язык надписи скорее с арабским, чем с др.-евр., может служить лишним аргументом против отстаиваемой некоторыми учеными теории о том, что недостаточные глаголы непосредственно восходят к существовавшим якобы вначале двухбуквенным основам.

2. Наличие возвратной формы iftaʕal, соответствующей VIII породе в арабском языке, например, tʔtsp (от hsp), tʔtpk (от hpk). Эта форма, отсутствующая в др.-евр., встречается здесь впервые.

Имя существительное

1. Слово hʔr «жезл, скипетр» — ж. р., как и в ассиро-вавилонском. В др.-евр. это слово м. р.

2. Слово ksʔ «трон» ж. р., как и в ассиро-вавилонском. В др.-евр. это слово м. р.

Местоимения

1. Отсутствие определенного члена. В надписи Йехимилка из Библа, датированной XII—XI—X в., определенный член встречается; так: mplt hbtm ʔl; точно так же в надписи Киламува (hmlkm hlpny, hspz), в надписи Азитавадда (hbrk, kl hrʕ, kl hmlkm, hqrt z, hʕr z), в надписи Мешн (hbmz zʔt, hʕwʔ, hqr, hʕrt, hʕrm, hmkrtt, hmlt и т. д.) — все надписи IX в.

2. Местоименным суффиксом 3 л. м. р. всегда является h, например, ʔbh, ʕth, mʕpʔh, mlkh, sprh. В других древних надписях из Библа мест. суфф. 3 л. м. р. всегда w. Так, в надписи Йехимилка: wʕntw; в надписи Элибаала: ʔdtw, wʕntw; то же в надписи Шефатбаала. В финикийских надписях, начиная с IX в., мест. суфф. 3 л. м. р. — «у», например, в надписи Киламува: ʕy, ʕty, в надписи Азитавадда: mbʔy, lkny. Эта особенность характерна и для надписи Мешн, где, например, bʕrʕh, wʕhʔh, bnh, bh, wbbʔh, ymh и т. д. В др.-евр. встречается как реликтовая форма.

3. Относительным местоимением является z, например, ʔn z pʕ. То же в надписи Йехимилка (bt z bny), в надписи Шефатбаала (qr z bny). Указательным же местоимением является zn, например, ʔn zn. В финикийских надписях местоимения. Так относит. мест. является ʕʕ, а z имеет значение указательного местоимения. Так в надписях Киламува и Азитавадда.

Частицы

1. Союз ʔl означает «если», приближаясь, таким образом, к арабскому ʔin и к арамейскому ʔin, ʔen.

2. Предлог ʕl означает «от», приближаясь к арабскому ʕn.

В области лексики

Глагол hsp в значении «ломать», «сокрушать» встречается здесь впервые.

Глагол ʕt (bʕm) в значении «производить (на свет)» встречается здесь впервые.

Термин tmʔ mʔnt «военачальник» встречается здесь впервые.

Слово *ḥm* имеет здесь значение «свет», «мир» как в арабском и арамейском.

Глагол *brḥ* «бежать», «удалиться» употребляется в др.-евр. письменности, как правило, по отношению к человеку (больше 50 раз). Только один раз (*Job.*, 9, 25) он употреблен по отношению к человеческой жизни («дни мои легче гонца, убежали, не видели добра»). Здесь глагол *brḥ* употреблен по отношению к миру, покою.

Глагол *gly* «открывать» встречается в финикийских надписях впервые.

Глагол *hrk* «опрокидывать» встречается в финикийских надписях впервые.

Глагол *mḥu* в форме *nīḥal* «быть изглаженным» встречается в финикийских надписях впервые.

ḥṭr в значении «жезл», «скипетр», в др.-евр. письменности не встречается.

mšrṭ в значении «судейская власть» в др.-евр. языке не встречается. Такое же значение имеет это слово, повидимому, и в угаритском, см. I AB, 6, 29.

Из сказанного с очевидностью вытекает следующее.

1) Язык надписи обнаруживает ряд отличительных особенностей, дающих право говорить о финикийском языке как о вполне самостоятельном семитическом языке.

2) Язык надписи обнаруживает столь много серьезных расхождений с древне-еврейским, что нет больше оснований говорить ни о чрезвычайной близости финикийского языка к древне-еврейскому, ни тем более о том, что библский диалект «весьма подобен др.-еврейскому»¹. Мнение, которое высказал Лидзбарски, в связи с анализом данной надписи: «там, где кончается знание древне-еврейского, кончается для нас и знание финикийского» (1927, стр. 455), — не может быть признано нами теперь правильным в такой формулировке.

3) Язык надписи в грамматическом отношении существенно отличается от языка всех известных нам библских надписей древнейшего периода. Это, как мы видели, сказывается прежде всего в отсутствии определенного члена и в употреблении в качестве мест. суффикса 3 л. м. р. «h».

4) Язык надписи имеет ряд общих черт, с одной стороны, с языком угаритских надписей и, с другой — с языком надписи Мени.

КОМПОЗИЦИЯ И СТИЛЬ НАДПИСИ

Надпись имеет, несомненно, и известные, если можно так выразиться, литературные достоинства. Перед нами произведение, в котором ярко отражено свободное индивидуальное творчество, находящееся на значительной высоте. В надписи наблюдается стройная согласованность отдельных частей; чувствуется определенный ритм и сильная экспрессия. Лидзбарски впервые обратил внимание на то, что в надписи проявлена тенденция к *parallelismus membrorum*, но вместе с тем он указывал, что эта тенденция не нашла своего последовательного выражения. Наше толкование надписи опровергает мнение Лидзбарского, так как показывает строгую согласованность отдельных частей.

А если какой-нибудь царь из царей
или какой-нибудь правитель из правителей,
или военачальник

вступит в Библ

и откроет этот саркофаг —

сокрушен будет жезл судейской власти его,

опрокинут будет трон царства его,

и мир покинет Библ.

¹ «Very similar to Hebrew» — Z. S. Harris, *A Grammar of the Phoenician Language*, стр. 69.

Мы видели, что в руках верховного сановника (*gzn resp. skn*) была сосредоточена по преимуществу судебская власть, что верховный сановник был верховным судьей. К нему-то и относятся слова проклятия: «сокрушен будет жезл судебской власти его». К царю относится проклятие: «опрокинут будет трон царства его». А к военачальнику, который стоял во главе вооруженных сил и на котором лежало как руководство военными действиями, так и поддержание внутреннего порядка, относятся слова проклятия: «и мир покинет Библ», что может быть понято как в смысле того, что Библ подвергнется нападению извне, так и в том смысле, что он будет раздираем внутренними междоусобицами. Параллель к последнему представляет надпись Киламува, где мы читаем: «А если кто-нибудь из моих потомков, который воссядет на трон вместо меня, повредит эту надпись, — Мшкб перестанут уважать Б'рр, а Б'рр перестанут уважать Мшкб». Это, по всеобщему мнению, имеет тот смысл, что разные группы населения будут враждовать между собой.

Весьма любопытной, но до сих пор не привлекавшей должного внимания, чертой надписи является то, что в ней, в отличие от других финикийских надписей¹, проклятие и угроза не подкрепляются именем бога или богов. Наша надпись, таким образом, оказывается первой и пока единственной царской финикийской надгробной надписью,носящей так сказать светский характер. Однако никакого более или менее удовлетворительного объяснения для этого поразительного факта пока предложить не могу.

ЭПИГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Эпитафия Ахирама в эпиграфическом отношении существенно отличается от всех известных нам финикийских надписей начиная с IX в. Эти различия прежде всего касаются букв: *ʿ, k, m, j, t* и отчасти букв: *z, h, ʿ, h, t*. е. девяти из встречающихся в эпитафии 19 букв. Но письмо эпитафии Ахирама несколько отличается от письма финикийских надписей и более древнего периода. Это относится, в частности, к буквам: 1) *ʿ* — только в надписи Ахирама эта буква не имеет еще характерного для нее угла слева от вертикальной линии; 2) *t* — только в надписи Ахирама у этой буквы внутри две пересекающиеся черточки в виде знака плюс; в надписи же Шефатбаала библского, где эта буква также встречается, у нее внутри только одна поперечная черточка; 3) *z* — в надписи Ахирама поперечные черточки у этой буквы наиболее короткие; 4) *g* — в надписи Ахирама эта буква имеет несколько иную форму (большая черточка здесь совершенно прямая), чем в надписях Шефатбаала, Азарбаала, Йехимилка, Абибаала и т. д.; 5) *h* — только в надписи Ахирама у этой буквы иногда верхняя и нижняя горизонтальные черточки соединены с верхним и нижним концами вертикальной черточки. Эти особенности, на которые до сих пор не было обращено достаточного внимания, помимо своего эпиграфического значения, очень важны и для датировки надписи.

Надо заметить, что, несмотря на весьма архаический характер письма эпитафии Ахирама, нельзя согласиться с мнением, высказанным Бауэром, что надпись Ахирама «подводит нас очень близко ко времени происхождения алфавитного письма, которое в самом начале имело почти такой вид» (стр. 140). Нам неизвестен в точности прототип финикийского письма. Но, сопоставляя все относящиеся сюда материалы, можно с уверенностью сказать, что во всяком случае на некоторых буквах надписи Ахирама (как, например, *b, g, h, ʿ* и т. д.) лежит печать долгой эволюции и что по крайней мере двести — триста лет должны бы понадобиться на то, чтобы они приняли эту свою значительно схематизированную форму.

¹ Ср., например, надписи царей сидонских Табнита (стк. 6) и Эшмуназара (стк. 9, 21, 22), а также надпись царя библского Йехимилка (стк. 15), надпись Киламува (стк. 15—16) и Азитвадда (стб. III, стк. 12—18, на подножье ортостатов и на льве у входа).

Нельзя умолчать и о том значении, которое имеет надпись Ахирама для истории греческого алфавита. Драйвер, детально и всесторонне исследовавший этот вопрос, пришел к выводу, что больше всего точек соприкосновения у греческого алфавита именно с надписью Ахирама: 23 буквы древнейших греческих надписей VIII—V вв. и 19 букв надписи Ахирама имеют 11 очень близких совпадений. Относительно некоторых букв Драйвер даже утверждал, что их прообраз содержится в надписи Ахирама. Так, он указывает, что «Е в надписях Феры и Мелоса походит на h в надписи Ахирама»; «Z в афинских и критских надписях наиболее приближается к z в надписи Ахирама»; «греческое T, подобно t в надписи Ахирама, вертикальное»; «греческое Θ, подобно t в надписи Ахирама и надписи из Норы, имеет круглую форму»; «афинское, ферское и критское H походит на h в надписи Ахирама, в надписи на наконечнике стрелы из Ливана и в надписи из Гезера»¹. Если и не во всех случаях анализ Драйвера одинаково убедителен, необходимо, однако, признать, что значение надписи Ахирама как для вопроса о времени и месте происхождения греческого алфавита, так и для вопроса об его эволюции огромно.

ДАТИРОВКА НАДПИСИ

Дюссо, впервые издавший надпись Ахирама, предложил датировать ее второй половиной XIII в. до н. э. Он основывался при этом главным образом на факте находки в гробнице обломков сосуда (канопы) с именем Рамсеса II (1317—1251), а также микенской и кипрской керамики. Эта датировка получила широкое признание. Ее приняли Бауэр, Кук, Грессманн, Тори, Ронзевальд, Дирингер («Antiquity», XVII, 86), Дюнан и др. Но уже очень рано предложенная Дюссо датировка стала вызывать сомнения. Первым, насколько мне известно, выступил против нее Шпигельберг. Он указал, что найденные обломки сосуда не могут служить основанием для датировки, так как, по свидетельству Монте, который производил раскопки, гробница была вскрыта уже в древности (как установил Дюссо на основании некоторых находок, в VIII—VII вв. до н. э.); обломки сосуда с именем Рамсеса II могли каким-то образом попасть в гробницу случайно. Сам Шпигельберг не предложил никакой определенной даты, а ограничился лишь замечанием, что «решение этого вопроса исключительно зависит от специалистов по финикийской эпиграфике». Лидзбарски (1927 г.) также не принял окончательно датировки Дюссо. «Содержание и письмо надписи, — писал он, — никак не могут служить основанием для установления даты», и далее: «Никто не станет датировать надпись XIII веком до р. Хр. только на основании письма и языка. Письмо несколько древнее письма надписи на статуе Шешонка I, — это относится к алифу и мему, — но трудно сказать, сколько времени надо положить на эти изменения». За последние годы возражения против датировки Дюссо усилились, и они перенесены главным образом в область эпиграфики. Дело в том, что почти одновременно с опубликованием надписи Ахирама стали известны еще две другие древние надписи из Библа. Во-первых, после открытия надписи Ахирама стала возможна дешифровка надписи библского царя Абибаала², которая была издана еще в 1903 г., но оставалась недешифрованной из-за необычной формы буквы «к», принимавшейся всеми за ж. В следующем, 1925 году была опубликована надпись царя Библа — Элибаала, помещенная на статуе Осоркона I (сына Шешонка, 920—905). Эти надписи были, повидимому, выполнены либо при жизни, либо вскоре после смерти указанных египетских царей, и дату их поэтому можно считать более или менее установленной. Последующие годы дали серьезный прирост библского эпиграфического материала. В 1930 г. была издана надпись

¹ G. R. Driver, *Semitic Writing*, L., 1948, стр. 171—176.

² Надпись расположена на обломке статуи первого царя XXII египетской династии Шешонка (941—920).

наря Библи Иехимилка; в 1937—1938 гг. — надпись на бронзовой лопатке, принадлежавшей Азарбаалу; в 1945 г. — надпись библиского царя Шефатбаала и небольшая надпись на обломке глиняного сосуда, известная как надпись Абды. Все эти библиские надписи, письмо которых почти одинаково, но существенно отличается от уже известного финикийского письма, стали предметом широкого обсуждения и пристального изучения. В этой связи опять встал вопрос о датировке надписи Ахирама, причем наметилась общая тенденция к передвижению первоначальной даты на несколько веков вперед. Так, Каули (A. Cowley) писал Эме-Жирону, который предлагал датировать надпись Ахирама XI в., следующее: «Для надписи Элибаала следует установить дату, исходя из времени царствования Осоркона I, ок. 900 до р. Хр. Письмо надписи, кажется мне, почти то же, что и письмо надписи Ахирама. Во всяком случае они так похожи друг на друга, что не могу допустить, чтоб их разделял период в 300 лет... Я скорее склоняюсь датировать надпись Ахирама X в.» (Эме-Жирон, 1943, стр. 321). Олбрайт, вначале датировавший надпись Ахирама XII в., предложил затем дату «не позже чем ок. 975 до р. Хр.», которую мотивировал главным образом тем, что «письмо надписи Ахирама и надписи Абибаала так похожи друг на друга (is so nearly identical), что датировка первой надписи на три века раньше второй уж больше не кажется столь очевидной» (1947, стр. 153). Дюнан тоже пересмотрел свою первоначальную датировку и предложил дату ок. 1000 лет до н. э. (1945, стр. 197 и сл., *post-scriptum*). Драйвер поэтому с полным основанием мог заявить, что датировка надписи Ахирама началом X в. до н. э. теперь всеми предпочитается¹.

Однако произведенный нами анализ надписи Ахирама позволяет утверждать, что первоначальная датировка, хотя она и оставлена большинством исследователей, имеет гораздо больше оснований; надпись Ахирама следует относить по крайней мере к XIII в. до н. э.

В пользу датировки надписи Ахирама XIII в. говорят, во-первых, лингвистические данные. Как мы видели выше, язык надписи Ахирама в грамматическом отношении существенно отличается от языка всех других библиских надписей, в том числе и надписи Элибаала. Так, в надписи Ахирама мест. суфф. 3 л. всегда является *h*, а во всех других библиских надписях, в том числе и в надписи Элибаала — *w* (в надписи Элибаала: *ḏtw, wšntw*); в надписи Ахирама определенный член не употребляется, в надписи же Иехимилка определенный член встречается. Если принять, скажем, хронологию Олбрайта: Ахиром — ок. 1000, Этбаал, сын Ахирама, — ок. 975, Иехимилк — ок. 950, Абибаал — ок. 930, Элибаал — ок. 920, Шефатбаал — ок. 900 (1947, стр. 160), — пришлось бы допустить, что грамматические изменения, о которых шла речь, произошли за каких-либо 50—80 лет, а это совершенно невероятно. Гораздо правильнее будет предположение, что эти изменения, касающиеся основных грамматических категорий, происходили постепенно в течение столетий. И. В. Сталин писал: «Выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, грамматический строй изменяется еще медленнее, чем основной словарный фонд. Он, конечно, претерпевает с течением времени изменения, он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами, но основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени, так как они, как показывает история, могут с успехом обслуживать общество в течение ряда эпох»². Не может быть сомнения, что система местоимений относится именно к «основам грамматического строя».

По этим же соображениям нельзя согласиться и с Дюнаном, считающим надписи Шефатбаала и Абды гораздо более древними, чем надпись Ахирама. В надписи Шефатбаала мест. суфф. 3 л. является уже *w*, как и в надписи Элибаала и в надписи Иехимилка; в надписи Абды уже встречается определенный член, как в

¹ G. R. Driver, *Semitic Writing*, стр. 105.

² И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, М., 1951, стр. 25—26.

надписи Йехимилка. Гораздо правильнее поэтому будет предположение, что надписи Шефатбаала и 'Абды моложе на несколько столетий надписи Ахирама. Надо отметить, что некоторые исследователи на основании других данных также пришли к выводу о том, что надписи Шефатбаала и 'Абды моложе надписи Ахирама (см., например, JAOS, 67, 1947, стр. 154).

В пользу датировки надписи Ахирама XIII в. говорят, во-вторых, эпиграфические доводы. Как показано выше, письмо надписи Ахирама несколько отличается от письма других финикийских надписей древнего периода, в том числе и надписей Абибаала и Элибаала. Так, в надписях Абибаала и Элибаала имеет слева от вертикальной линии угол, в надписи же Ахирама этого угла еще нет; у g в надписи Ахирама большая линия совершенно прямая, в надписях же Абибаала и Элибаала эта линия наклонная. Точно так же и буквы l, z, t в надписи Ахирама имеют несколько отличную форму от таковых в надписях Абибаала и Элибаала. Учитывая, что развитие финикийского письма, как неоднократно указывалось, происходило чрезвычайно медленно¹, трудно допустить, чтобы эти изменения произошли за каких-либо 50—80 лет. Гораздо правильнее будет предположить, что они происходили медленно, в течение нескольких столетий.

Все сказанное, кажется мне, с достаточной убедительностью доказывает, что надпись Ахирама следует относить по меньшей мере к XIII в. до н. э. и что это, таким образом, самая древняя из всех до сих пор известных финикийских надписей. Не приходится говорить о том, какое важное значение имеет этот вывод.

Проф. И. Н. Вилинков

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ В КИТАЕ

Создание Китайской Народной Республики положило начало невиданному подъему культуры и науки освобожденного китайского народа. Этот подъем сказался и в области археологии. Орган Китайской Академии наук «Кэсюэ тунбао» («Научный вестник») печатает отчеты о все шире разворачивающихся археологических исследованиях в различных провинциях Китая. В данной статье мы остановимся на археологических работах в Чжоукоудяне, всемирно известном селе под Пекином, где были открыты остатки палеолитического предка человека, известного под названием синантропа, и на раскопках в провинции Хэнань.

Раскопки в Чжоукоудяне возобновились вскоре после образования Китайской Народной Республики. Автор статьи «Прошлое, настоящее и будущее раскопок в Чжоукоудяне»² китайский археолог Ян Чжун-цзянь пишет, что раньше реакционная гоминдановская клика отводила китайским ученым в деле организации раскопок подчиненную роль, предоставив все ведущие позиции иностранцам. В экономическом отношении как сами раскопки, так и издание материалов целиком зависели от иностранцев. Руководство научно-исследовательской работой и публикация раскопок осуществлялись иностранными учеными. Таким образом, замечательные открытия археологии в Китае в большей своей части попали в руки иностранцев.

После образования Китайской Народной Республики раскопки этого важнейшего археологического памятника стали достоянием китайской науки.

Под руководством Совета планирования геологических работ в 1951 г. в Чжоукоудяне развернулись работы большого масштаба. После детального обсуждения, в котором участвовал и автор статьи Ян Чжун-цзянь, было решено продолжать их в том районе, где они велись с 1937 по 1949 г. При этом руководствовались следующими соображениями.

Район, в котором расположены окаменелости, очень велик, и его границы до сих

¹ См., например, Лидзбарекки, 1927; G. R. Driver, *Semitic Writing*, стр. 105.

² Журнал «Кэсюэ тунбао», 1951, т. 2, № 7, стр. 693—696.